

КОНТИНЕНТ

**Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал**

41

**Издательство «Континент»
1984**

Литературный архив

Адам Мицкевич

К РУССКИМ ДРУЗЬЯМ

*Перевод с польского Анатолия Якобсона
(Публикуется впервые)*

Вы – помните ль меня? Когда о братьях кровных,
Тех, чей удел – погост, изгнание и темница,
Скорблю – тогда в моих видениях укромных,
В родимой чередѣ встают и ваши лица.

Где вы? Рылеев, ты? Тебя по приговоре
За шею не обнять, как до кромешных сроков, –
Она взята позорною пенькою. Горе
Народам, убивающим своих пророков!

Бестужев! Руку мне ты протянул когда-то.
Царь к тачке приковал кисть, что была открыта
Для шпаги и пера. И к ней, к ладони брата,
Пленённая рука поляка вплоть прибита.

А кто поруган злей? Кого из вас горчайший
Из жребиев постиг, карая неуклонно
И срамом орденов, и лаской высочайшей,
И сладью у крыльца царёва бить поклоны?

А может, кто триумф жестокости монаршей
В холопском рвении восславить ныне тщится?
Иль топчет польский край, умывшись кровью нашей,
И, будто похвалой, проклятьями кичится?

Из дальней стороны в полночный мир суровый
Пусть вольный голос мой предвестьем воскресенья
Домчится и звучит. Да рухнут льда покровы!
Так трубы журавлей вещают пир весенний.

Мой голос вам знаком! Как все, дохнуть не смея,
Когда-то ползал я под царскою дубиной,
Обманывал его я наподобье змея –
Но вам распахнут был душою голубиной.

Когда же горечь слёз прожгла мою отчизну
И в речь мою влилась – что может быть нелепей
Молчанья моего? Я кубок весь разбрызну:
Пусть разъедает жёлчь – не вас, но ваши цепи.

А если кто-нибудь из вас ответит бранью –
Что ж, вспомню лишний раз холуйства образ жуткий:
Несчастный пёс цепной клыками руку ранит.
Решившую извлечь его из подлой будки.

ГОЛОС С ТОГО СВЕТА

23 февраля 1842 года друг Пушкина Александр Тургенев, брат «хромого Тургенева» из декабристских строф «Онегина», записал в своем дневнике: «На последней лекции я положил на его (Мицкевича. – В. Ф.) кафедру стихи Пушкина к нему, назвав их „Голос с того света“».

Этот список стихотворения «Он между нами жил» с надписью Тургенева хранится сегодня в музее Мицкевича в Париже.

Так уж получилось, что надпись эту, «Голос с того света», можно отнести сегодня и к переводу стихотворения «К русским друзьям», сделанному Анатолием Якобсоном незадолго до смерти. Это послание Мицкевича несколько раз неудачно переводилось на русский язык, пока, наконец, перевод В. Левика не вытеснил все работы его предшественников. Сегодня перевод Левика считается хрестоматийным и входит во все сборники Мицкевича, издающиеся в Советском Союзе. К сожалению, перевод этот сделан «без божества, без вдохновенья». Левика не только не удалось воспроизвести ритмико-фонетическую поступь и интонационную динамику оригинала, он умудрился исказить

ход мысли автора, составляющий единое целое с формой стихотворения. Причем смысловые отклонения от подлинника настолько существенны, что заставляют подозревать переводчика в сознательной недобросовестности. У Мицкевича сказано: «...kłątwa ludom, co swoje mogduja progoki...», что в подстрочном переводе означает: «...проклятые народам, убивающим своих пророков». Левик же переводит: «проклятые палачам твоим, пророк народный». Как видим, Левик не только упростил Мицкевича, но и исказил, приписав ему банальную сентенцию. К тому же, весь перевод Левика пестрит такими штампами, как «светлый дух», «братских полон чувств», «радостный призыв» и т. д., немислимыми у поэта такого масштаба, как Мицкевич.

В отличие от ремесленной работы Левика, перевод Анатолия Яковсона – не слепок с оригинала, а живое воспроизведение, пусть и не воссоздающее в мельчайших деталях каждую подробность подлинника, зато обладающее теми же, что подлинник, качествами.

Яковсону удалось передать главное: взаимодействующее единство насыщенного ритма стиха с поступательным ходом мысли. Завершив работу над переводом Мицкевича за несколько месяцев до смерти, А. Яковсон еще успел отправить его в Москву Лидии Корнеевне Чуковской, мнение которой ценил чрезвычайно. Оценка Л. К. Чуковской его обрадовала, хотя ее критического замечания он не принял и продолжал считать строфы о Рылееве и Бестужеве своей творческой находкой. Лидия Чуковская писала: «Итак, о Мицкевиче: прочла Ваш перевод. Он замечателен богатством словаря академического и переводческого; такие словесные находки, как «погост», «череда» и «срам орденов» (браво!), «вещают пир». Да и кроме словесного богатства – поступь стиха передает величие, грозность. Но и недостатки представляются мне существенными. Две ударные строфы: о Рылееве и Бестужеве, не ударны, не убедительны, потому что синтаксически сбивчивы. «Рылеев, ты?» Найдено очень сердечно, интимно, а дальше – она (шея) взята позорною пенькою – сбивчиво, и вся строфа искусственна. То же и Бестужев. Даже до смысла я добралась не сразу, запутавшись в руке и кисти, тут синтаксис нарушен, то есть дыхание. (...) Перевод Левика ремесленная мертвечина, механическая. Вы его кладете на обе лопатки. Рядом с Вашим он похож на подстрочник».

Б. Пастернак писал: «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности».

Такое впечатление жизни удалось передать Анатолию Яковсону в переводе одного из лучших стихотворений европейской лирики.

Владимир Фромер